

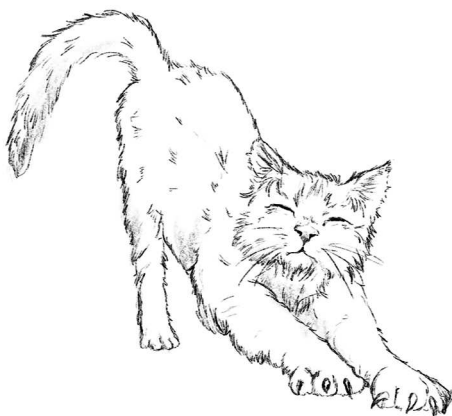
10월 10일

Сорри,
я не твоя
лава стори

Читайте в серии:

Котенок и кафе
на краю океана

Ён Сомин

Кошка
из мастерской

МОСКВА

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Е61

Yeon Somin

HEALING SEASON OF POTTERY

공방의 계절 by 연소민

Copyright © Yeon Somin. 2023

All rights reserved.

This translated edition is published by arrangement with
Mojosa Publishing Co. c/o Shinwon Agency through Peters,
Fraser and Dunlop Ltd and The Van Lear Agency LLC

Перевод с корейского *Инны Панкиной*

Иллюстрации на переплете и во внутреннем оформлении
Натальи Бацаковой

Ён, Сомин.

Е61 Кошка из мастерской / Ён Сомин ;
[перевод с корейского И. Панкиной]. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-194948-8

Жизнь подготовила для Чонмин сильный обжиг: одиночество, проблемы на работе, потеря подруги детства. В поисках успокоения девушка увольняется с работы и переезжает в Памгаси — местечко, где растут каштаны, а в переулке скрывается целебная гончарная мастерская. Теперь мир Чонмин наполняется запахом кофе, разлитого по глиняным кружкам ручной работы, новыми друзьями и новой любовью.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

© Панкина И., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. Издательство

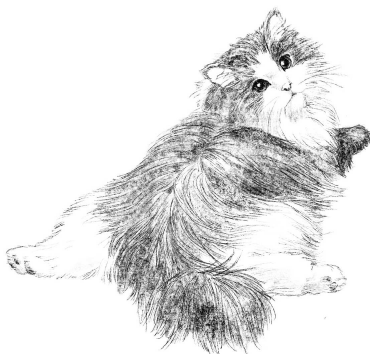
ISBN 978-5-04-194948-8 «Эксмо», 2025

Оглавление

Жарче лета	7
Всего 60%	30
Когда глина превращается в керамику	47
Человек, встречи с которым не избежать ...	79
Поздний сезон дождей и кошка	102
Возвращение однодневных мастер-классов ..	143
Центровка	172
Кобальтовая ваза	203
Жена-керамистка и муж-флорист	222
Печальная легенда	237
Направление	257
Как выбраться из пещеры	283
Первый снег	302

Я хочу сказать	321
Рождественская ярмарка	339
Ну конечно, именно Памгаси	374
Море зелёного цвета	398
Слово автора	411

Жарче лета

Чонмин никак не могла забыть, как прошлой осенью впервые укололась о шип каштана.

На улицах было много опавших листьев. Среди них Чонмин повезло найти целый орех, не попавший под ноги прохожим. Она стряхнула с него землю и счистила кожуру. Внутри было пусто, как будто ядрышком уже кто-то полакомился. Чонмин собрала ещё несколько каштанов, но они тоже оказались пустыми. Тонкий шип одного из них впился в мягкую ладонь девушки — среди одинаковых колючек пряталась одна особенно злая и очень острая. Чонмин только крепче сжала каштан. Ей захотелось наказать руку, которая не могла написать ничего толкового. На коже выступили круглые капельки крови. Онемение и боль пробежали вниз по позвоночнику и свернулись комочком в кончиках пальцев ног.

С того дня Чонмин больше не выходила на улицу. С момента её переезда в деревню Памгаси¹ не прошло и трёх месяцев.

Когда она впервые увидела эту виллу прошлым летом, было так же жарко, как сейчас. По её шее стекал пот. Это ещё больше раздражало Чонмин, и без того уставшую смотреть предлагаемые в аренду дома. Она замучилась переезжать каждые два года, и слово «дом» потеряло для неё какое-либо значение, кроме сугубо прикладного.

— Это последний на сегодня? — вяло спросила Чонмин.

Агент сообщил ей, что хороших вариантов в тот день было невероятно много, и суетливо водил девушку по Ильсану от одного дома к другому. Увы, его усилия были тщетны: Чонмин так и не проявила желания арендовать хоть что-то. Если дом был опрятным и аккуратным, цена оказывалась непомерно высокой, а если цена более-

¹ Игра слов: название деревни буквально переводится как «шип каштана».

менее устраивала, жильё находилось на самой окраине, откуда трудно добираться на работу.

— Не торопитесь! Давайте посмотрим ещё одну виллу. Она отлично подойдёт для одинокой девушки. Эта правда будет последней!

— ...Хорошо, посмотрим.

Между агентом, который во что бы то ни стало хотел подписать договор, и Чонмин, которая не была настроена на быстрое решение вопроса, возникло скрытое напряжение. Но девушка пообещала себе, что сегодня рассмотрит все предложения и обязательно сделает выбор, чтобы не откладывать дело до выходных. Она писала сценарии для телепередач, и обычно граница между рабочими и нерабочими днями была для неё размыта, так что упускать возможность отделить выходные от остальной недели она не собиралась.

— Вам нравятся каштаны? — внезапно спросил агент, когда они вышли на улочки деревни Памгаси.

— Да не особо.

— Здесь всё в каштанах. Осенью, когда плоды раскрываются, улицы очень красивые. Местные женщины их собирают...

Чонмин ничего внятного не ответила. Летом все деревья выглядели одинаково — зелёные листья на коричневых ветках. Она не смогла бы среди них выделить именно каштаны.

Вилла под номером четыре располагалась выше остальных. Дорога всё время шла в гору, и агент быстро затих. Оба сосредоточились на ходьбе. После нескольких непростых минут подъёма Чонмин остановилась у крыльца. Она с первого взгляда влюбилась в этот дом: краска на стенах местами живописно облупилась, на втором этаже элегантно выглядывал балкон с арочным окном. Стена вокруг окна была покрашена в цвет слоновой кости с яркими мазками оранжевых ставень, непринуждённо и жизнерадостно вторивших атмосфере лета. Как будто, поднявшись на холм в корейской деревушке, они оказались в Европе.

Кто-то с третьего этажа плотно заставил полукруглое окно маленькими горшками с толстенькими суккулентами. На четвёртом этаже, под самой крышей, на прищепках были развешаны носки разной длины и размеров, они, казалось, радуются солнечному свету. Там же рядом сушились и маленькие жёлтые дет-

ские носочки, размером с ладошку. В окне по соседству виднелся шкаф, плотно заставленный толстыми книгами. Может, здесь живёт университетский лектор — путешественник? Неожиданно Чонмин начала фантазировать, как протекает жизнь в этом доме.

Квартира 301. Девушка выглянула из окна, чтобы посмотреть на крыльцо, у которого только что стояла. Безобидный горячий ветерок ласкал каждую прядь её длинных волос. Этажей было мало, но само место находилось на возвышении, и окрестности было отлично видно — вплоть до гор, дрожащих в жарком мареве на самой границе горизонта. В этот момент Чонмин впервые подумала, что хорошо бы поставить что-нибудь на окно. Она довольно долго молчала, погружённая в свои мысли, и, спохватившись, без малейшего колебания сказала внимательно наблюдавшему за ней агенту по недвижимости:

— Давайте подпишем контракт.

Чонмин вдруг показалось, что она сможет остаться тут надолго и дом ей не надоест. Всё складывалось замечательно, как когда во время езды на велосипеде, хорошенько разогнавшись, перестаёшь крутить педали и он едет сам по

себе. Впервые Чонмин понравился «дом», в котором она поселилась.

Но в одно мгновение тот же ветер, что ласково трепал её волосы, безжалостно унёс сладкие мечты о жизни в этом доме. Велосипед Чонмин понёсся под откос. Скорость стала слишком большой, она не справилась с управлением и эффектно перелетела через руль. Когда педали перестали вращаться, Чонмин поняла, что всё кончено. Это случилось осенью, примерно в это же время оранжевый цвет ставень превратился в тёмно-кирпичный.

Студия сообщила ей, что документальный фильм, над которым она трудилась последние несколько месяцев, снят с производства. Контракт расторгли в одностороннем порядке. В тот же день Чонмин швырнула свой пропуск на пол и, собрав вещи, ушла с каменным лицом, не понимая, откуда у неё взялась такая решимость.

Её память, казалось, намеренно размывала события того дня: всё было как будто покрыто туманом. Лишь спустя несколько месяцев ей удалось восстановить картину произошедшего благодаря разговору с коллегой-сценаристом. Он с удивительной тщательностью описал все

детали — даже то, в каком платье была Чонмин в день своего увольнения, — но главное, тот фурор, который вызвало её неожиданное поведение. По его словам, Чонмин настолько горела своим делом, что трудно было представить, что однажды она сама решит покинуть телекомпанию. Ещё и так. Спустя три месяца в её душе поселилось необъяснимое чувство, словно на неё было наложено проклятие. Это ощущение стало единственным, в чём она могла быть абсолютно уверена.

Чонмин больше не общалась с соседкой-домохозяйкой, которая с увлечением украшала свой интерьер зелёными растениями. Её не интересовало, как растёт малыш с четвёртого этажа. Она перестала одалживать у живущего по соседству аспиранта-книгочея романы. В этой тихой деревеньке, где здания меняли свой цвет в зависимости от солнечного света, Чонмин никак не удавалось обрести счастье. Окно, которое когда-то так привлекло её своим европейским шармом, утратило всякое значение, кроме практического — теперь оно служило лишь для проветривания.

Осенью, в ясные дни, ей казалось, что высокое акварельное небо того гляди обрушится вниз

и придавит к земле крышу её дома. С наступлением ноября похолодало, и девушка немедленно повесила на окно жалюзи, чтобы не видеть зимнего неба. Когда в доме воцарялась тишина и всё вокруг замирало, Чонмин могла размышлять лишь о том, идёт ли снег или нет. Даже с приходом весны и грибных дождей из-за расположения виллы небо казалось настолько низким, что ей хотелось провести по нему пальцем и отщипнуть от него кусочек цвета грязной тряпки.

День за днём она проживала свою жизнь без резких поворотов и изменений, не отличая вчера от сегодня, а сегодня — от завтра. Блуждая по лабиринту своего тридцатилетия, девушка даже не пыталась бежать и не испытывала тоски. И всё же предчувствие благополучной жизни в этом доме оказалось лишь красивой иллюзией.

С тех пор как Чонмин погрузилась в пучину самоуничтожения, сменилось уже три сезона. В одно летнее утро, когда боль от укола колючкой каштана утихла в её правой ладони, она

вдруг вскрикнула и вскочила с места. Этот возглас не содержал ни конкретных слов, ни ясных намерений — это было просто «А-А-А!», лишённое смысловой нагрузки. Однако в нём ощущалось напряжение, невыносимая необходимость что-то изменить. На самом деле такие вскрики начали раздаваться ещё с весны. Чонмин вдруг ясно почувствовала, что если продолжит жить как затворница, то никогда не сможет вернуться в общество и умрёт в полном одиночестве. Сотни тысяч вон исчезали в небытии как плата за воздух. Казалось, что каждый месяц с неё брали предоплату за жизнь, и сейчас она ощутила, что пора хоть немного пожить, чтобы деньги не оказались потрачены впустую. Она понимала: если не сделает шаг навстречу переменам, её существование станет лишь бесконечным ожиданием чего-то, что так и не произойдёт.

Возглас отразился эхом от стен её полупустой двухкомнатной квартиры, и она с удивлением осознала, что её голосовые связки впервые за долгое время издали звук. Когда эхо затихло в углах потолка, девушка быстро прополоскала рот, пытаясь избавиться от неприятного привкуса. Забыв о том, что сейчас лето, она надела